

СОЦИОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

УДК 39+008

МАЛЫЕ НАРОДЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н. М. Усенко

Ростовский социально-экономический институт,
г. Ростов-на-Дону, Россия

ETHNIC MINORITIES OF RUSSIAN FEDERATION
UNDER GLOBALIZATION

N. M. Usenko

Rostov Social and Economic Institute, Rostov, Russia

Summary. The article considers the cultural aspect of national identity problems of ethnic minorities in Russia in the context of globalization. Integration processes in the world produce a series of contradictions between globalization and ethno-cultural identity of small nations.

Key words: multiculturalism; identity; integration; alterglobalism; ethnomodern; ethnocentrism; genocide; intercultural communication References.

В конце XX – начале XXI века человечество стало свидетелем глубоких и масштабных процессов, повлиявших на формирование и развитие принципиально новой глобальной системы взаимосвязей во всех сферах деятельности мирового сообщества. Данная система предполагает перерастание национальных и региональных проблем в общемировые, а также формирование новой хозяйственной и культурной среды существования человечества. Это осуществляется посредством расширения и углубления связей по принципу «глобальных последствий от локальных действий». Здесь можно обнаружить некий объективный процесс, в ходе которого мир как бы стягивается в единое пространство, существующее по общим для всех законам и в едином для всех режиме времени.

Однако, как показывает практика, осуществление интеграционных процессов происходит не только в глобальном, но и в локальном масштабе: все изменения, происходящие в обществе, проецируются на жизнь отдельной этнической группы. Очевидно, что в условиях неустойчивого социокультурного пространства современной России можно говорить о глубоких противоречиях, существующих между глобализацией и этнокультурной идентичностью малых народов. По словам немецкого социолога Ульриха Бека, в современных условиях интеграции «возникает единый мир, но не как признание многообразия, взаимной открытости (...), а наоборот, как единый товарный мир. В этом мире локальные культуры и идентичности утрачивают корни» [1, с. 82].

В этой связи в современной культурологии, социологии и политологии рассматриваются различные модели глобализации. В качестве одной из предполагаемых форм интеграции всех народов выдвигается так называемый *альтерглобализм*. Он противопоставляется антиглобализму. Это политическое движение, появившееся в XX столетии и ставящее задачу обнаружить альтернативные пути глобализации. Если антиглобалисты отрицают глобализацию вообще, то альтерглобалисты пытаются обнаружить иные формы развития, в противовес самым опасным негативам глобализации. К указанным негативам «оппозиционеры» относят:

- экономический и финансовый рационализм, ставший не средством, а самоцелью;
- новую социокультурную поляризацию, искореняющую этнокультурные интересы и свободу воли национальных меньшинств;
- безусловность и безграничность потребительства, приводящие к экологическим катастрофам и дегуманизации;
- полную власть «трёх М» (микропроцессоров, мирового рынка, масс-медиа).

Альтерглобализм в России, в свою очередь, предполагает «регионализацию», в рамках которой одним из первых пунктов как бы обозначена программа развития межнациональных отношений при сохранении их этнической идентичности. Вместо доминирования территориального единства и экономической целостности, всё более определяющими (якобы) становятся духовные параметры. Однако за этнокультурной идентичностью здесь скрываются процессы слияния этносов и создания полиэтнических регионов, в которых с позиции психологической позитивности предстают уничтожительные для этносов процессы, такие как снятие межнациональных языковых, культурных и религиозных барьеров. Обозначенный синтезирующий менталитет, по мнению сторонников регионализации, «чрезвычайно благоприятен для такого освоения ценностей глобального гражданского общества, которое более не ориентируется на приоритет материального над духовным, на доминирование классического рационализма, воинствующего индивидуализма и т. п. идеалов, никогда не являвшихся первичными в духовности народов региона». В продолжение темы цитируемый автор считает, что «в этномодерном государстве, в котором объединяются не этносы, а граждане (...), усиливаются ценности крупных этносов, через которые сохраняют свои духовные достижения близкие малочисленные народности» [2, с. 339]. В этой связи предлагается развивать в укрупнённом регионе не 5–6 десятков этнических культур, а всего около десяти наиболее «состоятельных». По мнению того же автора, регионализация является позитивной тенденцией глобализации, помогающая избавить общество от лишних политических, экономических и социокультурных усилий ради сохранения «отжившего и не отвечающего времени – языковых диалектов, наречий, местнических традиций и т. п. локально-ограниченных основ этнического бытия. Прошли времена, когда человечество представляло собой единство самобытных этносов и цивилизаций» [там же, с. 241–342].

Очевидно, что современная социокультурная практика показывает утопичность подобных теорий, в основном из-за расхождения идей с практикой. Ответной реакцией на массовизацию и культурную унификацию становится стремление национальных культур к защите и форсированному самосохранению. «Российское глобальное общество – это ярко выраженное общество конфликта, кризисов, где укоренилась и развивается напряжённость между численно господствующим этносом и меньшинством» [3, с. 28]. Нация является исторически сложившейся социальной общностью, имеющей субстанционально-духовное основание, для которой характерны единый язык, менталитет, психология, социокультурный образ жизни. Всё это обеспечивает группе в целом неповторимое своеобразие. Нация выступает как высшая ступень развития этноса, как этнонация, которая представляет собой одну из самых устойчивых социальных общностей на протяжении всей истории цивилизационного существования человечества. И здесь немаловажную, а возможно, и первичную функцию выполняет так называемый «этноцентризм» как эволюционно-древний фактор существования национальной группы. Это есть избирательное отношение к представителям своего этноса (нации, народности, племени), строящееся на взаимном притяжении особей одной группы, семьи, вида. Такая избирательность приводит к разделению мира на «своих» и «чужих», а также генерирует способность к самопожертвованию, тотальную заботу о сохранении собственных генов, передаваемых потомству с помощью близких родственников. «Недаром свою страну называют «родина», «отчизна» (...), а слово «патриот» происходит от латинского *pater*, греческого *pateros* – отец» [4, с. 380].

Антропологические исследования говорят о наличии двух крупных пластов этноцентризма в современном мире:

- эволюционно-консервативного, связанного с первичными биополитическими нормами поведения;
- социокультурного, опирающегося на опыт экономических и духовных традиций.

Оба пласта становятся концентрированными носителями этноконфликтов в современной России, составляющих межрелигиозную, межрегиональную, политическую вражду. Указанное противостояние усугубляется процессами интеграции во всех сферах жизнедеятельности, что активизировало изопрёрённую форму международного терроризма. Более того, современный терроризм становится не только преступным актом вражды, но и своеобразной «стратегией коммуникации».

На другой чаше весов обнаруживается наднациональная этика, которая всё чаще задается вопросом, как в практической жизнедеятельности многонационального общества сочетать интеграционное равенство с культурными особенностями этнических субъектов. Указанное равенство не должно, в конечном счете, ликвидировать различия в угоду стандартизации современного информационного общества.

Одной из главных особенностей России является её многонациональность и многоконфессиональность; населяющие Россию народы объединяет общая история экономических и социокультурных взаимосвязей, но не субъективные национальные культурные и духовные традиции. В то же время активный процесс усиления социальной мобильности последовательно, а порой и стихийно (в результате военных конфликтов) размывает границы некогда устойчивых этнокультурных групп.

В этой связи всё чаще дают о себе знать проблемные регионы современной России. Не секрет, что Юг России тесно населён многочисленными этническими группами. С одной стороны, это делает регион весьма богатым уникальными национальными культурами с многовековыми традициями, неповторимым художественным наследием, народными промыслами и т. п. С другой стороны, южный регион России был и остаётся носителем опасных очагов этноконфликтов.

Кроме того, процессы интеграции порождают ещё одну глобальную проблему российского общества – скрытый геноцид как форму социального насилия. От других преступлений геноцид отличается, во-первых, обязательной целью, то есть «стремлением к полному или частичному уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы». Во-вторых, любой акт геноцида может быть совершён только с прямым умыслом, в силу законодательного указания на данный акт. В-третьих, при геноциде обязательно учитывается национальная, расовая, этническая, религиозная принадлежность. В-четвёртых, «геноцид не предполагает никакого индивидуального подхода – он приговаривает весь народ, весь этнос целиком, этим он отличается от всех прочих преступлений против человечества» [5, с. 267]. В современных необратимых условиях геноцид трансформируется и как бы вуалируется в «косвенный геноцид». Последний проявляется в направленном воздействии (или умышленном бездействии) на какие-либо группы путём изменения природной сферы, культурно-исторической среды, биологических условий, приводящих, в конечном счёте, к физическому уничтожению. Объектами косвенного геноцида обычно становятся группы, признанные по каким-либо критериям неприемлемыми.

В частности, на территории России проживают коренные народы Севера, которые на территориях своих предков сохраняют традиционный образ жизни, хозяйствование, промыслы, духовные традиции. Эти народы насчитывают менее 50 тысяч человек, но осознают себя самостоятельными этническими общностями. Разрушительные перемены в традиционном укладе жизни этих народов начались ещё в первой половине XX века, в послереволюционный период: насильственная коллективизация, принудительное разъединение семей, отрыв детей, направляющихся в интернаты, и т. п. Следствием такого насильственного перехода на оседлость стала коренная тотальная ломка и крушение традиционного уклада жизни вместе с духовными ценностями. В разрезе настоящего времени этносы существуют на грани исчезновения. По сравнению с коренными малыми народами Северной Европы, США и Канады, аборигены российского Севера находятся в крайне тяжёлом социально-экономическом положении. Глобальные формы хозяйствования наносят колоссальный ущерб их самобытности. Параллельно оказывается насильственное воздействие на культурно-историческую среду народов. В связи с этим для них становится невозможным «оправдать своё существование, утвердиться и обновляться в противостоянии остальному миру» [6, с. 6].

Условием существования современных добывающих отраслей является уничтожение естественного покрова земли; в то время как жизнедеятельность малых народов находится в прямой зависимости от покрова. К примеру, оленеводство, которое современные глобалисты называют «этническим оленеводством». Хотя оленеводство само по себе является высокой формой адаптации человека к экстремальным условиям крайнего севера, своеобразной «цивилизацией северного оленя» [там же, с. 30].

Малочисленные народы и национальные меньшинства особо уязвимы под воздействием макросреды: любые неблагоприятные события мгновенно отражаются на их

состоянии (экологические кризисы, миграции населения, политико-административные реформы). В результате происходят необратимые процессы аккумуляции (когда навязанные контакты между различными этническими группами приводят к появлению новых, искусственных образцов культуры) и ассимиляции (когда меньшинство, принимая нормы и ценности большинства, практически поглощается последним).

В то же время культурные традиции аборигенных народов являются уникальными носителями общечеловеческих ценностей в сфере адаптационной культуры в экстремальных условиях Севера. Это, безусловно, может способствовать их вовлечению в стратегию культурного разнообразия России наравне с достижениями мировой цивилизации, так как без многообразия и наличия духовных альтернатив культура теряет запас информационной изменчивости, способности к адаптации в новых условиях мировой культуры.

В силу самобытных внутренних коллективных устоев представители малых народов Севера не смогут адаптироваться к новым рыночным отношениям и моделям постиндустриальной информационной культуры. Поэтому важнейшим условием возрождения их самобытности является акцент на воспитание и образование в контексте духовных и культурных традиций того или иного народа. Значительным фактором здесь выступает усиление роли национальной интеллигенции как профессионального слоя национальной культуры. В этой связи следует создавать многовариантные модели внутригосударственной национальной политики, способные не просто учитывать, но и воплощать специфику социальных отношений, хозяйства, быта, культуры всех народов, составляющих структуру российского общества.

Любая нация демонстрирует себя как одна из устойчивых и «живучих» социокультурных общностей. Всё чаще многие нации идентифицируют себя не только как этнонации, но и как гражданские нации или даже как самостоятельные государства. И, как показывает практика, многие постмодернистские идеи и теории построения современного общества, ориентирующегося на информационно-интегративные технологии, на самом деле иллюзорны и во многом усиливают этнокультурный кризис. В то время как подлинная глобализация может осуществиться только в условиях «многоцентричной интеграции экономической, политической и культурной жизни наций» [7, с. 121].

В этой связи, важнейшим аспектом современного выбора России становится поиск культурной идентичности. В условиях политического, социально-экономического и национального кризиса именно культура способна выступать в роли важнейшего фактора преемственности развития многонационального общества в условиях неотвратимой интеграции. Культура одной нации должна как бы осознать себя для другой культуры – такой двуединый процесс может осуществить взаимодействие культур. М. М. Бахтин писал: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [8, с. 354]. Понимание одной культурой другой всегда будет оставаться сложным процессом столкновения различных нормативно-ценностных систем, идеалов. Оно подразумевает наличие не одного, а разных сознаний, понимание которых приведёт к проникновению в другую культуру, одновременно понимая собственную самобытность.

В культурном общении разнообразных групп должны найти выражение нравственные принципы, регулятивные механизмы этического сознания (добро, совесть, честь, долг и т. п.). При этом необходимо понимание того, что стандартные ситуации общения по-разному регулируются в ценностных системах народов, что проявляется в нравах, обычаях, устоях, духовных традициях, религиозных культах. Межкультурное общение – это и есть способ взаимодействия наций, посредством которого происходит взаимообогащение или хотя бы достигается взаимопонимание. Так каждая этнокультура осуществляет собственную потребность в познании и одновременно получает возможность самореализации, но только посредством признания равноправия партнёров, взаимной заинтересованности, дружелюбия и толерантности. Только с позиции диалога культур можно говорить о межкультурных коммуникациях как основополагающем факторе интеграции общества.

Всё это говорит о необходимости и одновременном недостатке в современном российском обществе концентрации демократических ценностей, «предоставляющих каждому свободу культурного выбора при условии, что она не нарушает свободу других. Это не мультикультурализм с его консервацией особенностей, а именно демократия, дающая каждому право самостоятельно участвовать в культурной жизни» [9, с. 322]. Неслучайно ещё в начале XX века В. И. Вернадский, выдвигая теорию ноосферы, утверждал, что объединение человечества в единое целое возможно только на основе идеалов гуманизма и демократии, тесно взаимодействующих с естественными законами природы.

Очевидно, что каждая нация как социокультурная этническая общность заставляет любую форму гражданского общества считаться с собой. И здесь речь идёт не только о кровной принадлежности, но и о личностной, где определяющим фактором становится воздействие на личность духовного содержания нации, с которой индивид себя отождествляет. Национальность можно считать состоявшейся только в том случае, когда каждая отдельная личность идентифицирует себя с традиционными устоями и ценностями своего этноса, становится её осознанным субъектом. Любой человек не может входить в человечество вне культурно-национальной индивидуальной принадлежности, потому что культура не являет собой нечто отвлечённо-человеческое. Она проявляется в конкретно-человеческом (или национальном); и только в таком облике наделяется способностью осуществляться в масштабах общечеловеческой культуры. И наоборот, высоко оценивать неповторимую индивидуальность каждой национальной культуры как творца, можно лишь с позиции осознания её сходства или различия с другими духовными традициями.

Библиографический список

1. Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001.
2. Биаллов М. И. Регионализация как альтернатива негативам глобализации // Россия: многообразие культур и глобализация / ответ. ред. И. К. Лисеев. – М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010.
3. Народы Севера: пути, проблемы развития / отв. ред. П. С. Максимов. – Нерюнги, 1998.
4. Олескин А. В. Этноцентризм и этноконфликты: биополитический подход // Россия: многообразие культур и глобализация / ответ. ред. И. К. Лисеев. – М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010.
5. Черновицкая Ю. В. Перспективы выживания коренных малочисленных народов Севера в условиях глобализации // Россия: многообразие культур и глобализация / ответ. ред. И. К. Лисеев. – М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010.
6. Долматова С. А. Кризис традиционных этнохозяйственных сообществ в условиях глобализации: коренные народы российского Севера. – М. : ИМЭМО РАН, 2003.
7. Кирвель Ч. С. Глобализационный проект унификации мира как эпохальная иллюзия // Россия: многообразие культур и глобализация / ответ. ред. И. К. Лисеев. – М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010.
8. Бахтин М. М. Ответ на вопросы редакции «Нового мира» // Эстетика словесного творчества. – М., 1988.
9. Лисеев И. К. Глобализация и диалог культур // Россия: многообразие культур и глобализация / ответ. ред. И. К. Лисеев. – М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010.

© Н. М. Усенко